

ТЕМА РАСКАЯНИЯ В ОБРАЗЕ ЕФРЕМА ПОДДУЕВА В РОМАНЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»

В образе Ефрема Поддуева А. И. Солженицын вплотную подходит к идее возмездия за нарушение глубинных законов бытия, незабываемых основ христианской справедливости, и «это возмездие приходит не в облике внешних поражений, а в виде душевной опустошенности и обезличенности» [5, с. 219]. Болезнь здесь выступает не как череда несправедливо преследующих героя невзгод, как это происходит в случае с Олегом или Демкой, но как расплата, прямое наказание, предопределенные всем ходом греховно прожитой жизни. Выражаясь философскими категориями, больница стала для героя метафизической точкой возвращения к его лучшим духовным потенциям, нереализованным при жизни. Тема раскаяния, исповеди перед самим собой, честного и непредвзятого взгляда на свою сущность, самораскрытия и покаяния наиболее явственно прочерчена в последних днях пребывания Ефрема Поддуева в больнице.

Первое описание, которое мы получаем о внешности Поддуева, дается через восприятие Русанова и носит не детальный, но очерковый характер, охватывая основные броские черты его внешности: «В этом проходе стоял коренастый широкоплечий больной в розовополосчатой пижаме. Толсто и туго была обмотана бинтами вся его шея – высоко, почти под мочки ушей. Белое сжимающее кольцо бинтов не оставляло ему свободы двигать тяжёлой тупой головой, буро заросшей» [3, с. 9–10]. Из этого описания следует, что в нем большая часть отведена не столько самому герою, сколько акцентуации на его смертельном недуге – раке горла. Описание болезни существенно преобладает в портрете Поддуева, почти ничего не оставляя от него самого: болезнь, словно замещает самого человека, от природы имеющего все предпосылки к здоровой и длинной жизни («ему еще не сравнялось полуста, и был он крепок в плечах, твёрд в ногах и здрав умом» [3, с. 85]).

А. И. Солженицын заостряет внимание читателя на необыкновенной добольничной трудоспособности героя, его физической выносливости, смело гиперболизируя эти качества, восходящие к истокам русских былин о богатырях: «Он не то, что был двужилый, но двухребетный, и после восьми часов мог ещё восемь отработать как первую смену» [3, с. 85]. Автор приводит и другие свидетельства его здоровой природы: «у Ефрема ни волосинки ещё не упало, буйных бурых – чаща, не продерёшься. И до сих была при нём вся сила на баб» [3, с. 92], «в молодости на Каме таскал он шестипудовые мешки, и из силы той не много ubyло, он и сейчас не отрекался выкатить с рабочими бетономешалку на помост» [3, с. 85], «не отведал он ни ран, ни госпиталей. И

ничем никогда не болел – ни тяжёлым, ни гриппом, ни в эпидемию, ни даже зубами. И только в запрошлом году первый раз заболел – и сразу вот этим. Раком» [3, с. 86].

Изображая смертельную болезнь, неожиданно постигшую ранее исключительно здорового и сильного человека, А. И. Солженицын, очевидно, стремился показать в полной мере весь ужас и запущенность положения Ефрема и тем самым сделать сюжетно обоснованным его раскаяние, нравственно-духовные поиски героя, катализатором которых выступила череда физических мучений. Иными словами, среди обитателей палаты кому, как не Ефрему, вкусившему всю полноту безответственной и здоровой жизни, но вдруг смертельно заболевшему, так же вдруг не задаться вопросом о причине происшедшего в самом серьезном и значимом разрезе этой проблемы. Его раскаяние проистекает от особой степени близости к смерти, ее роковой неизбежности. На присутствие особенных обстоятельств в жизни как на стимул для устремления к самопониманию и поиска подступов к высшей истине Ефрем указывает при прочтении книги Л. Н. Толстого в несобственно-прямой речи автора: «Хотя вряд ли бы он стал её читать не на этой койке и не с этой шеей, стреляющей в голову. Рассказиками этими едва ли можно было прошибить здорового» [3, с. 91]. Однако при непосредственной близости к смерти многие его жизненные приоритеты обесценились, либо обнажили свою истинную суть. Так, например, сила воли, по признанию Ефрема, оказалась «упятеренным страхом», который стал причиной его замены лечения работой, а жажда к накоплению материальных благ в итоге стала несущественной.

Весь облик Ефрема на протяжении повествования метонимически преобразуется в кольцо из бинтов, которое по ходу действия утолщается и поднимается все выше, тем самым, приобретая мотив зловещей предреченности, капкана, из которого Ефрем, задумываясь, хочет найти выход в нравственно-духовной плоскости: «то, что его обматывало, уже было больше его головы – и только верх настоящей головы высывался из обруча» [3, с. 183].

Значительное место в портретной характеристике героя отведено натуралистическим описаниям. Натурализм и детализация в изображении образа Поддубова способствует лучшему пониманию той точки невозврата к прошлым приоритетам в сознании героя, крайнего порога психологического и физического истощения от болезни, при которых возможно глубинное переосмысление своей жизни, раскаяние в совершенном сотрудничестве с тоталитарной системой и аморальном образе жизни. Чем явственнее показана и обоснована тупиковость жизненного пути Ефрема, тем сильнее художественно оправданны и сюжетно более значимы становятся толстовские истины, обретенные им в конце жизни, его путь к раскаянию. Натуралистически окрашенными звучат описания Поддубова в авторской речи и откликах о нем однопалатников: «бурый больной» [3, с. 10], «надоедный буроволосый с бинтовым охватом по шее и защемлённой головой» [3, с. 11], «в своей бинтовой

как броневой обмотке, с некрутящейся головой» [3, с. 39], с «белым обручем мощнее прежнего» [3, с. 183]. Такое пристальное внимание к запущенному, предсмертному состоянию Ефрема не случайно. Поддубов ближе всех присутствующих в палате подошел к мысли о небытии, о смерти, осмелился подумать о себе как о недостойном существовании.

На протяжении всей своей жизни круг привязанностей и интересов Поддубова можно было свести к бесхитростной формуле: «только любил он вольную жизнь да деньги в кармане» [3, с. 87]. Однако при непосредственной близости к смерти многие его жизненные приоритеты обесценились, либо обнажили свою истинную суть. Так, например, сила воли, по признанию Ефрема, оказалась «упытеренным страхом», который стал причиной его замены лечения работой, а жажда к накоплению материальных благ и их безудержной трате в итоге стала несущественной и суетной по сравнению с возможностью остаться в живых. Характерно, что изображая больных апологетов власти, Солженицыным осуществляется метонимический перенос на большую часть тела пороков героя. Так, у Ефрема пораженными раком оказываются горло и язык, посредством которых автор указывает на такие существенные недостатки героя как лживость и безответственность.

Масштабный характер неправды, которой Поддубов прокладывал себе дорогу в лучшую жизнь, писатель подчеркивает использованием парцелляции, графически выделяя семантически значимые участки текста, и употреблением повтора союза, тем самым, создавая длинную цепь многочисленных безнравственных поступков, которые и составляли иллюзию проживаемой Поддубовым жизни: «За полста лет много он этим языком поупражнялся. <...> И кричал на начальство. И обкладывал рабочих. И укрючливо матюгался, подцепляя, что там святей да дороже, и наслаждался коленами многими, как соловей. И анекдоты выкладывал жирнозадые, только всегда без политики. И волжские песни пел. И многим бабам, рассеянным по всей земле, врал, что не женат, что детей нет, что вернётся через неделю и будут дом строить» [3, с. 86]. Антитезой автор стремится заострить внимание на тотальном характере несоответствия намерений и поступков героя: «Этим языком он себе выговаривал плату там, где не заработал. Клялся в том, чего не делал. Распинался, чему не верил» [3, с. 86]. Ложь, возведенная на уровень повседневности, неискренность и подлость метонимически переносятся на продуцирующий их орган: «А заболел у Ефрема – язык, поворотливый, ладный, незаметный, в глаза никогда не видный и такой полезный в жизни язык» [3, с. 86]. Многочисленными оценочными и описательными эпитетами подчеркивается его особенная роль в жизни Ефрема.

Не случаен и выбор имени героя: с древнееврейского «Ефрем» означает «плодовитый». Персонаж действительно отличается большим количеством любовных связей и отсутствием ответственности за рожденных от него детей. Это он и ставит себе в вину, оказавшись на смертном одре: «Я – баб много разорил. С детьми бросал... Плакали...» [3, с. 122]. Путешествуя по стране,

отношения с женским полом Ефрем строил потребительски: «Хозяйку он на всяком новом месте находил. А у других, встречных-поперечных, вольных и невольных, и имена не всегда спрашивал» [3, с. 92]. Единственная женщина, которая не оставила равнодушным героя – первая его жена Амина, что отмечает в ней Ефрем так это то, что «чувствительная очень: кожа на лице такая тонкая, едва костяшками её тронь – и кровь. И ещё непокорчивая – сама ж с девченкой и ушла» [3, с. 92]. Однако Поддуев извлек из случившегося весьма спорный жизненный урок, что на уровне текста показано употреблением антифразиса, построенного на контрасте формально одобрительного значения высказывания с порицающим подтекстовым смыслом: «С тех пор Ефрем позора не допускал и покидал баб всегда первый» [3, с. 92].

Среди отдельных рассуждений Ефрема есть и такие, которые, кроме жестокости и утилитарности подхода к жизни, отличаются еще и невежеством и низким уровнем культуры построения отношений. Так, для женщин Поддуев неизменно использует в своей речи дисфемизмы «баба», «девка» и полноценными людьми слабый пол не считает, женскую верность и преданность расценивает как «привязчивость», с которой надо уметь вовремя справиться: «Добыть бабу – легко, а вот с рук скачать – трудно» [3, с. 93]. При всем хаосе и безудержности связей память Поддуева стала работать избирательно, лишь фрагментарно отображая воспоминания о многих оставленных женщинах: «И смешались теперь в его памяти лица, повадки и обстоятельства» [3, с. 92]. Метонимия здесь служит как средство изображения лишнего целостности, дисгармоничного образа жизни Поддуева. Ефрем, уводя чужих жен, как в случае с Евдошкой, создавая семьи, с дальнейшим намерением их покинуть, всегда строил свою модель поведения на лжи тем, кто ему доверял.

Ложь всегда была предметом осуждения и в классической литературе, Данте, например, в «Божественной комедии» в девятый круг ада, самый страшный и неистовый, помещал грешников именно за обман человеческого доверия, тех, кто при жизни стал предателем и изменником. Сам Солженицын в своих мемуарах отнес обман человеческого доверия к числу самых низких пороков: «Ошибку – можно простить и миллионную. Обмана – нельзя перенести и копеечного» [4, с. 78]. В этом свете становится очевидным, почему именно за обман человеческого доверия, которым Ефрем привык добиваться своего, на Поддуева возложена в произведении миссия самосознания и раскаяния вследствие продолжительных страданий от болезни.

В стенах больницы вспоминает персонаж и другой свой неблагоприятный поступок. Пытаясь доискаться до причины своей болезни как возмездия за греховно прожитую жизнь, ретроспективно в воспоминаниях Поддуев возвращается к дням, когда был надзирателем в тюремной колонии и в сильный мороз неукоснительно следуя выполнению проекта заставил изможденных и умирающих заключенных работать, не давая им ни в чем спуска и не вняв их

мольбам. Тогда он и услышал от измученных узников: «Ничего. И ты будешь умирать, десятник!» [3, с. 181].

И очутившись в больнице перед лицом смерти, Ефрем осознал, что ему нечего выдвинуть себе в оправдание недостойно прожитой жизни, нечего противопоставить перед угрызениями совести: «И ничем таким, что весит, Ефрем не мог от этого загородиться. Что он ещё жить хочет? И малой хотел. Что у Ефрема сильная воля? Что он понял новое что-то и хотел бы иначе жить? Болезнь этого не слушает, у болезни свой проект» [3, с. 181]. Итоги, с которыми он подошел к концу своего беспутного существования, плачевны. В добавление ко всему, у него напрочь отсутствует какой-либо опыт приобщения к вечным ценностям: «Всей жизнью своей Поддуев был подготовлен к жизни, а не к умиранию. Этот переход был ему свыше сил, он не знал путей этого перехода...» [3, с. 87]. Частью его собственной системы мышления стало всеобщее утверждение о том, что «от человека требуется или хорошая специальность или хорошая хватка в жизни. От того и другого идут деньги. И когда люди знакомятся, то за как зовут, сразу идёт: кем работаешь, сколько получаешь» [3, с. 88]. Незавидна участь того, кто, по мнению Поддуева, не преуспел в накопительстве материальных благ. Для них у Ефрема есть своя самостоятельно выведенная классификация: «или глупой, или несчастный, а в общем так себе человечешко» [3, с. 88]. С помощью использования литоты, имеющей явственно снижающий оценочный элемент, в речи Поддуева человеческое существо без денег автоматически переводится из разряда «человек» в категорию «в общем так себе человечешко».

На смертном одре Ефрем задумывается о забытых им христианских законах справедливости и о соответствии им своей жизнью. Чтобы полностью понять какой эмоционально-идеологический заряд имела для А. И. Солженицына взаимосвязь веры и духовных поисков, воплощенная в образе Ефрема, необходимо обратиться к суждению писателя, актуальному в этой связи. «Оттолкновение от веры почти автоматически и вскоре же толкает, а то и швыряет человека лбом в загадку смерти», – пишет А. И. Солженицын. [2, с. 190]. Признавая отсутствие высших морально-религиозных законов, человек отвергает возможность суда над собой, а значит и возможность спасения, что неминуемо ведет к страху смерти.

Основной же нравственно положительный заряд виделся критиками в заданности, устремленности Ефрема к самопониманию, исповедническому покаянию. Так, А. М. Борщаговский видел ценность данного образа в том, что герой «пусть за три дня до окончания жизни, но задумался над тем, над чем человеку полагалось задумываться раньше» [1, с. 246]. З. С. Кедрина высоко оценила интертекстуальную связь образа Поддуева с классической литературой: «Затем сама тема Толстого, которая входит сюда, мне представляется очень убедительной в фигуре Ефрема, который умирает и который хочет, чтобы поверили, что люди живы не заботой о себе, а любовью. И он это хочет внушить другим» [1, с. 269–270]. Следует отметить, что

накопление критической массы переосмыслений Поддубевым и философский выход в контексты бытия становятся возможными благодаря лиминальности состояния героя. Положение на границе жизни и смерти оказывается концептуально значимым.

В образе Ефрема дает о себе знать драма, если не трагедия, всего апологетически настроенного советского общества: оторванное от основ христианства и помещенное в лоно диалектико-материалистических догм и ориентированное на обладание материальными благами, оно отучилось свободно и самостоятельно мыслить, страшась губительности каждого шага на поле свободомыслия. Единственно возможный путь нации к спасению А. И. Солженицын видел в раскаянии.

Литература

1. Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974 / [сост. В. Глоцер]. – М.: Русский путь, 1998. – 496 с.
2. Солженицын А. Иосиф Бродский – избранные стихи. (Из «Литературной коллекции») // Новый мир. – 1999. – № 12. – С. 180–193.
3. Солженицын А. И. Раковый корпус: Повесть / А. И. Солженицын. – М.: Худож. лит., 1990. – 462 с.
4. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов. /А. И. Солженицын//Новый мир. – 2003. – № 11. – С. 33–97.
5. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 1999. – 398 с.

Аннотация

Акопьянц Н. М. Тема раскаяния в образе Ефрема Поддубева в романе А. И. Солженицына «Раковый корпус». В статье осуществляется раскрытие темы раскаяния в образе Ефрема Поддубева в романе А. И. Солженицына «Раковый корпус». На примерах использования автором особого ряда художественно-стилистических средств при изображении героя прослеживается особый акцент на теме раскаяния как интегральной части системы мировоззренческих координат самого автора. **Ключевые слова:** метонимическое замещение, гипербола, оценочные и описательные эпитеты.

Анотація

Акоп'янц Н. М. Тема каяття в образі Єфрема Поддубєва в романі А. І. Солженіцина «Раковий корпус». У статті здійснюється розкриття теми каяття в образі Єфрема Поддубєва в романі А. І. Солженіцина «Раковий корпус». На прикладах використання автором художньо-стилістичних засобів при

зображенні героя прослідковується особливий акцент на темі каяття як інтегральній частині системи світоглядних координат самого автора. **Ключові слова:** метонімічне заміщення, гіпербола, оцінювальні й описові епітети.

Summary

N. M. Akopjants. The topic of repentance in the image of Efrem Podduev in the novel «Cancer Ward» by O. I. Solzhenitsyn. On the example of analysis of used by the author stylistic devices in his novel while depicting the hero we show the special focus on the idea of repentance which takes its part in the author's system of values. **Key words:** metonymical substitution, hyperbole, estimative and descriptive epithets.

Стаття прорецензована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором Л. Г. Фризманом.